

«ДУХОВНОЕ» И «ВЕЩНОЕ» В РАННЕЙ ЛИРИКЕ И.А.БРОДСКОГО

©2011 А.Ю.Смирнова

Педагогический институт Саратовского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского

Статья поступила в редакцию 29.10.2010

В статье рассматриваются функции вещей (одежды) в ранней лирике И.А.Бродского.

Ключевые слова: душа, вещь, одежда, функции, внутренний мир, лирический герой

Человек в поэтическом мире И.А.Бродского представлен в единстве противоречий: он – живет в мире современном, остро переживает современную ему жизнь, тщательно фиксирует приметы этой жизни и ощущает свою зависимость от ее течения. Но он – одновременно принадлежит и Вечности, столь же пронзительно и отчетливо осознавая свою жизнь как продолжение странствий и страданий, например, Улисса и Ио. Не менее значима для понимания человека в мире И.А.Бродского и другая антиномия – душа и «вещи».

Исследователи, прежде всего Ю.М.Лотман, Л.Баткин, Р.Р.Измайлов уже писали об «особой любви поэта к миру предметов»¹. Действительно, предметный мир И.А.Бродского даёт очень богатый и разнообразный материал для исследования. Однако, как правило, данная тема рассматривается с точки зрения метафизических категорий пространства и времени, и речь идёт, в основном, в позднем творчестве поэта². Однако, «вещь» не всегда «представляет» пространство, позволяя его «визуализировать» или находится с ним в конфликте. Вещи, особенно это касается раннего творчества И.А.Бродского, одновременно способны стать зеркалом человеческой души, «еще-душой» человека или его «второй душой», если воспользоваться выражениями М.И.Цветаевой. Причем такое отношение к «вещам» как «второй душе» или «еще-душе» можно определить как развитие традиций русской поэзии, прежде всего поэтических открытий А.А.Ахматовой, в поэзии которой, по точному определению исследователей, душевный мир

предстает как единство духовного и вещественного: жизнь души неразрывно связана с окружающими человека реалиями быта и бытия³.

Эта традиция, действительно, была органично воспринята ранним И.А.Бродским: вещи, в том числе одежда героя – не только слагаемое внешнего облика, не только внешняя примета лирического героя: они – зеркало его души. В данной работе пристальное внимание уделяется роли одежды в отражении состояний души лирического героя. Рисуя одежду героя, автор умеет передать, не описывая, имплицитно, переживаемые им эмоции. Так, например, в поэме «Зюльфия» (1962) постоянно повторяющиеся детали одежды, которые видит герой, стоящий перед зеркалом, – галстук, рубашка, ботинки, на которых сосредоточено все его внимание, позволяют передать его страх, смутнение, дают ему возможность постичь раздвоенную (подобно человеку и его отражению в зеркале) душу. И.А.Бродский для передачи внутреннего состояния лирического героя не описывает выражение лица («черты лица мне были не видны») – внимание его в изучении собственного отражения сосредотачивается на одежде («от башмаков и до воротника»):

Я задержался в зеркале еще:
блестело освещенное плечо,
я шелковой рубашкой шелестел,
ботинок мой начищенный блеснул,
в тени оставшись, чуть мерцал другой,
прекрасен был мой галстук дорогой⁴.

И.А.Бродский передаёт в данном отрывке поэмы странное чувство, которое может ощутить

⁰ Смирнова Анна Ювенальевна, аспирант кафедры теории и истории литературы.

E-mail: smirnovaanau@mail.ru

¹ Лотман Ю.М. Между вещью и пустотой (Из наблюдений над поэтикой Иосифа Бродского «Урания») совместно с М.Лотманом // О поэтах и поэзии. – СПб.: 1996. – С.731 – 747; Баткин Л. Тридцать третья буква (заметки читателя на полях стихов Иосифа Бродского). – М.: 1997; Измайлов Р.Р. Хронос и топос: Поэтический мир И.Бродского. – Саратов: 2006.

² Лотман Ю.М. Между вещью и пустотой....

³ Виноградов В.В. О поэзии Анны Ахматовой // Виноградов В.В. Поэтика рус. лит-ры: Избр. труды. – М.: 1976. – С.400; Гинзбург Л.Я. О лирике. – Л.: 1974. – С.345, 346 – 347. По Л.Гинзбург – открытие Ахматовой заключается в том, что «вещи» становятся «представителями лирической стихии», «аксессуарами развертывающейся драмы».

⁴ Сочинения Иосифа Бродского в 7 тт. – Т. 1. – СПб.: 1997. – С. 152. Далее Бродский цитируется по данному изданию с указанием в тексте в скобках номера тома и страницы.

каждый человек, долго и пристально разглядывая себя в зеркало: в какой-то момент начинает казаться, что отражение становится подобным портрету, живёт отдельно от реального образа человека.

Я думаю, что в зеркале моем
Когда-нибудь окажемся вдвоем
во тьме, среди гнетущей тишины,
откуда-то едва освещены,
я сам и отраженье и тоска -
единственная здесь без двойника... (Т.1. – С. 152).

Но можно отметить и другую функцию одежды: зеркально отражая душевное состояние героя, она позволяет ему осознать собственное «я», прежде всего, через постигнутое духовное родство с другим человеком, в том числе литературным персонажем. Так, например, в стихотворении «Вдоль темно-желтых квартир...» (1962) испачканный в грязи коридора рукав пальто героя, отражающийся в зеркале его «неопрятный вид» становятся важнейшим знаком переживаемой героем драмы: его тоски, отчаяния и жажды саморазрушения и обновления. Описание одежды, как и мотивы темно-желтых квартир, сумрачного мира коридора, топора имплицитно уподобляют героя Раскольникову, однако страсть к разрушению, к убийству у лирического героя оборачиваются, в отличие от героя Ф.М. Достоевского готовностью к саморазрушению. Внешний мир здесь зеркально совпадает с миром внутренним: «темно-желтые комнаты» – это и «темно-желтая кровь», которая течет в жилах героя. Темный коридор, по которому он идет, – это и коридор-лабиринт его сознания, его отчаявшейся души. Грязь на рукаве пальто – это знак дисгармонии его души, ибо он – «весь душа, да вполтину плоть» (I, 223). Проходя по темным коридорам своей души, изживая и преодолевая отчаяние, борясь с собственными страстями («в роце своих страстей / я иду с топором»), герой ищет свой путь («Так посреди беля / и у дров на виду / старый и новый я, / Боже, смотри, иду. / Лампочки светят вдоль. / И если погаснет свет, / зажжет свой фонарик боль» I, 223). Здесь вещи выполняют важнейшие функции, символизируя прежде всего путь души: от темно-желтых комнат к выходу, от тьмы – к свету, от грязи коридоров и пальто – к чистоте.

Одежда героя – всегда несет приметы времени, но одновременно одежда позволяет герою чувствовать и свою принадлежность Вечности. В стихотворении «От окраины к центру» (1962) появляется такая, казалось бы, парадоксальная деталь: у героя – вечноширокие брюки. Эта деталь может быть истолкована и как аллюзия на образ лирического героя Маяковского, который доставал когда-то «из широких штанов» свою

«паспортину» или позиционировал себя как «облако в штанах». Но первая часть слова – «вечноширокие» вносит, безусловно, свои нюансы. Возможно, эта деталь – одно из слагаемых образа лирического героя, ощущающего себя и сыном времени и Вечности, ленинградцем и Улиссом. Эта деталь органично вписывает героя в «вечную жизнь: / поразительный мост, немолчное слово, / проплыванье баржи, / оживленье любви, убиванье былого» I, 201).

Отметим и такую функцию одежды в лирике Бродского, как ее способность утверждать жизнь, «наличие» души и у явлений абстрактных или заведомо неживых. Так, Бродский описывает «карманы и белизну манжет» Петербурга, платье времени («Петербургский роман», 1961), «черные кепки» у труб ленинградских предместий, ярко-красное кашне и плащ своей юности («От окраины к центру»), платье лиры нарядной («Другу-стихотворцу», 1963) малиновую рубашку фарисейства («Гость», 1961), жасминовую вуаль у открытого лица калитки («Загадка ангелу», 1962) и т.д.

Вещи, одежда не только одушевляют мир, все его проявления: от абстрактных явлений до вполне конкретных – лиры или городов, природы, но и отражают самую суть «души» этого явления. Мир: человек и жизнь, человек и пространство, человек и природа, человек, его душа и вещи предстают не только в их бесконечном разнообразии, но и в их единстве. Однако иногда вещи, напротив, вступают в противоречие с внутренним миром лирического героя.

В стихотворении «Жёлтая куртка» (1970) название одежды вынесено поэтом в заглавие, что сразу сосредоточивает на нём внимание читателя. Действительно, это единственная яркая деталь описанного в произведении сырого дня. Цвет куртки – желтый – имеет в стихотворении двоякую смысловую нагрузку: во-первых, жёлтый цвет здесь подчёркивает общую атмосферу серости погоды, через которую нам показана общая серость жизни героя – подростка, стоящего на автобусной остановке, во-вторых, если мы обратимся к традиционным коннотациям этого цветового символа в русской литературе, – жёлтый символизирует смерть, болезнь, человеческую трагедию. Сначала хозяин жёлтой куртки, подросток, показан нам застывшим без движения – он недвижим, словно превращённый в камень взглядом мифической медузы Горгоны. Движение отсутствует не только в его позе, но и в его душе – он сам превращает этот мир в «бульженик»:

В пустых его зрачках сквозит – при всей
отчужденности их от мыслей лишних -
унынье, с каковым Персей
смотрел на то, что превратил в бульженик (II, 381).

Потом он резко переходит от неподвижности к движению (кидается к автобусу). Однако далее автор пишет о герое, что он «Схожее с мишенью / размазанное желтое пятно; / подвижное, но чуждое движенью». Двигаясь в общем смысле этого слова, то есть, перемещаясь в пространстве, подросток остаётся недвижим в смысле, который И.А.Бродский вкладывает в это понятие – его душа остаётся застывшей. Мы видим, что здесь жёлтая куртка, яркая живая вещь абсолютно не передаёт состояние души своего хозяина, резко не соответствует общей атмосфере произведения, а противоречит ей, таким образом, оттеняя её.

«Песня о красном свитере» (1970) – ещё одно стихотворение И.А.Бродского, где название одежды вынесено в заглавие и является центральным образом всего произведения, хотя само слово «свитер» не упоминается ни разу. И.А.Бродский подчёркивает иностранное происхождение вещи, называя его «потетелем английской красной шерсти», «вещью заморской», превращая его в символ всего заграничного. Эта вещь – активный носитель иной культуры. Лирический герой, надев красный свитер, начинает размышлять о возможности агрессивного захвата им пространства всей страны («и будущее за Шексной, за Воркслоу / теперь мне видится одетым в вещь заморскую»), вторжения других иностранных реалий и изменения жизни: появления джаза, ночных клубов («Там в клубе, на ночь глядя, одноразовый / перекрывается баян пластинкой джазовой»), комфортных квартир («Я вижу гордые строенья с ванными,»), валюты («Я думаю: обзаведись валютой, / мы одолели бы природу лютую») и как следствие – процветание валютчиков («И Файбишенко там горит звездой, и Рокотов»), отмены цензуры («и

там пылюсь на каждой полке в каждом доме я» П, 358).

До этого момента мы слышим явную иронию в голосе лирического героя – в поведении красного свитера он не видит ничего лично для себя отрицательного; но вот доходим до строк, где заморская вещь своим появлением оказывает влияние на русский язык: «Но если вдруг начнет хромать кириллица / от сильного избытка вещи фирменной», – и здесь отношение лирического героя становится резко негативным – для него это неприемлемо. В следующих строках мы находим аллюзию на стихотворение А.С.Пушкина «Пророк» (И он к устам моим приник / И вырвал грешный мой язык):

приникни, серафим, к устам и вырви мой,

чтобы в широтах, грубой складкой схожих с робюю,
в которых Азию легко смешать с Европою,

он трепыхался, поджидая басурманина,
как флаг, оставшийся на льдине от Папанина.

Итак, красный свитер в данном стихотворении не просто пассивно существует, он становится важнейшим символом иностранной, прежде всего западной культуры и главным импульсом к изменению человеческой души. И в итоге его мир вступает в противостояние с внутренним миром лирического героя. Таким образом, одежда в стихотворениях И.А.Бродского выполняет крайне важные и сложные функции, выступая и как зеркало души героя и близкого ему мира и как активный субъект, оказывающий влияние на внутренний мир героя; так же она позволяет поэту передать мысль о всеобщей одушевленности. «Вещное» помогает нам полнее и глубже осмыслить и воспринять «духовное».

SOUL AND THINGS IN EARLY LYRICS OF J.BRODSKY

©2011 A.Y.Smirnova^o

Pedagogical Institute of N.G.Chernyshevsky Saratov State University

The article considers close attention to the functions which things (clothes) perform at the early period of J.Brodsky's poetry.

Keywords: soul, thing, clothes, function, the inner world of the lyric character.

^o Anna Yuvenalyevna Smirnova, Post-graduate Student of Theory and History of Literature Department. E-mail: smirnovaannau@mail.ru